

Агафонова Татьяна Петровна

ПРАВОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/8/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (51). С. 7-12. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

УДК 316.3

*Татьяна Петровна Агафонова**Таганрогский государственный педагогический институт***ПРАВОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ[©]**

Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2011) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП 2.1.3.9223 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта - доктор философских наук, профессор В. В. Попов.

Правовые действия в отличие от рефлексивных, импульсивных действий никогда не совершаются мгновенно, т.е. в полной мере используется параметр интервального времени, кроме того в сознании деятельного индивида должно возникнуть достаточно устойчивое побуждение к активности.

Подобное побуждение к совершению действия называется обычно мотивацией, т.е. мотивация - это совокупность факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение побуждения достижения для индивида целей, иными словами мотивация - это такая сила, которая толкает индивида к совершению определенных правовых действий.

Сам механизм правового действия содержит, таким образом, потребность мотивации и само действие. Конечно, в этой связи необходимо обратить внимание на такое понятие как установка и конкретно - правовая установка.

В этом направлении приоритетным является тот факт, что любое правовое действие начинается с возникновения потребностей у индивида, придает им определенное направление. Это могут быть, например, потребности в общении, потребности в самоутверждении, самооценка.

Потребность соотносится индивидом с объектами внешней социальной среды, активизируя строго определенные мотивы. Мотивы каждого индивида придают правовому действию неповторимую индивидуальность. В этой связи, правовой субъект в соединении с активизированным объектом вызывает, конечно, весьма значительный познавательный интерес. В рамках возникновения этого интереса механизм правового действия осуществляется в пределах определенного контакта, и контакта не только пространственного и временного, но и контакта с точки зрения ценностных отношений.

Затем постепенное развитие интереса ведет к цели в отношении конкретных правовых объектов. При этом непосредственные выходы имеются на целерациональные действия и в границах концепции М. Вебера, и в рамках тех модификаций его концепции, которые получили исследовательский приоритет и которые имеют развитие в философско-правовых контекстах.

Обратим внимание на то, что момент появления цели означает осознание индивидом ситуации, а также возможность дальнейшего развития субъективной активности, которая далее приведет к становлению и к формированию той же мотивационной установки, означающей потенциальную готовность к совершению правового действия.

Анализ человеческой деятельности показывает, что каждое правовое действие совершается в результате некоторой субъективной активности, которая фактически формирует саму мотивацию.

В повседневной практике часто наблюдается почти мгновенное совершение правовых действий, которые кажутся немотивированными и в какой-то мере спонтанными. Однако, если действующий индивид будет анализировать такие быстротечные действия, то он всегда сможет выделить первоначальную потребность, интерес и, наконец, формирование самой мотивационной установки.

Обратим внимание на то, что в данном случае правовое действие совершается в достаточно короткий промежуток времени, что в рамках постнеклассической науки ведет к исследованию весьма определенных темпоральных интервалов; с другой стороны - существуют правовые действия, процессы формирования мотивации которых могут быть столь длительными, что первоначальная последовательность забывается.

Вследствие чего создается впечатление, что мотивационная установка возникла сама по себе. Иными словами создается видимость, что индивид действует только ради того, чтобы действовать, чтобы проявлять свою активность в рамках конкретной ситуации. Конечно, это не совсем так, ведь анализ, основанный на большом исследовательском материале, всегда указывает на существование «первотолчка» или своеобразной потребности, приводящей к совершению вполне конкретных действий. В этой связи представляется важным изучение генезиса и структуры правового действия.

При этом тип правовых действий следует соотносить со степенью контакта, со степенью сложности формирования правовых взаимодействий и взаимосвязей.

С позиции рассмотрения в подобном контексте правовых взаимодействий, следует обратить внимание на то, что выделение отдельных правовых действий весьма полезно при изучении правовых и политических процессов. Вместе с тем, даже простое наблюдение показывает, что правовые действия, рассматриваемые как попытка одного индивида или социально-политические группы изменить поведение другого индивида или группы, редко на практике встречается в единично обособленном виде. То есть, когда кто-нибудь пытается убедить в своей правоте другого, то весьма очевидно, что этот некий, другой может активно возражать, соглашаться или проявлять пассивность. Так или иначе он тоже совершает правовые действия. В результате этих ответных действий изменяется способ убеждения, его содержания, наконец, тот же самый диалог может привести к тому, что политико-правовой субъект вынужден будет прекратить оказывать воздействие на поведение другого субъекта. Весьма очевидно, что, совершая правовые действия, каждая личность испытывает на себе действия других людей, то есть происходит обмен действиями или правовое взаимодействие. Под правовым взаимодействием понимается система взаимообусловленных правовых действий, связанных циклической причинной зависимостью, при которой действия одного политико-правового субъекта являются одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов. Это означает, что каждое правовое действие вызывается предшествующим правовым действием и одновременно является причиной предшествующих действий, то есть работает система взаимоотношений детерминистских и индетерминистских аспектов. В итоге, правовые действия - это звенья неразрывной цепи, называемые взаимодействием, общаясь, например, с другими субъектами, сам деятельностный субъект постоянно осуществляет правовые взаимодействия, которые еще разнообразнее по формам проявления, чем сами правовые действия.

Развивая исследование в данном направлении, следует обратить внимание на то, что, например, при взаимодействии с незнакомым человеком, мы не всегда представляем себе, что он будет делать и как будет вести себя в соответствии с теми нормами, которые приняты не только в данной социальной группе, но и в обществе в целом. В принципе, если рассматривать это поведение с точки зрения теории социальных модальностей, то необходимо обратить внимание на то, что так называемые общепринятые ожидания дают человеку возможность для продолжения взаимодействия; при этом при продолжении взаимодействия к общепринятым ожиданиям присоединяются те ожидания, носящие индивидуальный характер, которые соответствуют интересам участников взаимодействия.

Взаимодействие может достаточно длительно продолжаться и стать устойчивым, многообразным и в какой-то мере стабильным. Так, например, в ходе устойчивого взаимодействия взаимные ожидания индивидов постоянно видоизменяются, но в то же время появляется определённый набор весьма стабильных социально-политических ожиданий, которые придают взаимодействию весьма упорядоченный и предсказуемый вид. В социально-правовых и философских исследованиях обычно различают два самых общих типа взаимодействия: сотрудничество и соперничество. Соперничество иногда называют также конкуренцией; сотрудничество подразумевает взаимосвязанные действия субъектов деятельности, направленные на достижение общих целей с обоюдно выгодой для взаимодействующих сторон; взаимодействие на основе соперничества включает в себя попытки отстранения, опережения или подавления другого субъекта, стремящегося к идентичным целям. Очевидно, что эти типы взаимодействия биполярны, они сопровождаются противоположными чувствами, установками и ориентациями у взаимодействующих индивидов; обратим внимание на то, что если в ходе взаимодействия на основе сотрудничества часто проявляются чувства благодарности, потребности в общении, то при соперничестве могут возникнуть чувства страха, неприязни и т.д. В результате повторения того или иного типа взаимодействия возникают разные виды отношений между людьми. В этой связи заметим, что субъект правовых действий не просто исполнитель некоторых типов правовых действий, он также является и создателем этих типов действий.

Изучение структуры субъекта правового действия, так как она представлена в современной теории, позволяет сделать вывод, что субъект подобного действия лишается своего собственного «внутреннего я». Конечно, автономия деятельностного субъекта в подобных случаях может оказаться иллюзией, то есть субъект деятельности является носителем некоторой совокупности социальных практик, которые даны ему, прежде всего, как его привычки предрасположенности к действиям. Источник же этих привычек, способностей и склонностей, интересов всегда за пределами индивидуального субъекта правовой деятельности, но при этом обратим внимание на то, что сам источник структуры деятельностного субъекта - это сфера взаимодействия многих других субъектов. Отметим, что сам субъект и есть конфигурация подобных конституативных систем, которые конституируются вначале пассивно, путём установления многочисленных взаимоотношений и идентификаций с другими системами. В этой связи возникает естественный вопрос о том, что следует понимать под конституативными системами. Обычно речь идёт об устройстве перцепции правового субъекта или субъекта, который осуществляет концептуальную рефлексию по поводу некоторой политико-правовой деятельности. Эта структура является необходимым элементом правового действия и одновременно - своеобразной априорной предпосылкой существования самого правового пространства.

Обратим внимание на то, что для создания определённой концептуальной картины правового пространства оказывается весьма востребованным в различении эмпирического и трансцендентального субъекта. Другое дело, что в рамках развиваемого подхода в какой-то мере бессмысленно приравнивать субъекта правового действия к эмпирическому субъекту, а субъекта теоретического познания - к трансцендентальному.

Подобное отождествление в какой-то мере обратит исследователя к классической трансцендентальной философии субъекта в рамках философской феноменологии, в которой сам трансцендентальный субъект полагался как носитель вневременных и не относящихся к истории структур конструирования действительности. Однако мы исходим из того, что необходимо рассматривать взаимосвязь реального правового субъекта и субъекта теоретического, поскольку они оказывают взаимовлияние друг на друга. Подобное взаимовлияние возможно на том основании, что теоретический субъект одновременно является правовым субъектом, и если говорить о том, что существуют в данном отношении некоторые приоритеты, то можно отметить, что фактически некоторыми привилегированными метапозициями деятельностные субъекты, конечно, могут и не обладать.

Своеобразный интерес имеют исследования в рамках теории возможных миров с позиции выхода на результат действия исследователя. Когда с его временем начинает сопоставляться вполне естественный порядок вещей, это своеобразная «идентификация» теоретического сознания проявляющегося двояким образом: с одной стороны - это имеет последствия установления привычек поведения и рассуждения, которые становятся конституативными системами деятельностных субъектов в рамках развития правового действия. Поэтому с другой стороны, процесс идентификации приводит к постепенному «консерватизму теоретического субъекта» в рамках определенного места политико-правового пространства, из которого осуществлялось построение возможного мира. Именно подобное обстоятельство: горизонтальная структура теоретизирующего субъекта деятельности заставляет применять различия эмпирического и трансцендентального субъекта одновременно и к субъекту правового действия и к теоретизирующему субъекту.

В этой связи применение принципов трансцендентальной философии к основаниям правового познания требует не только известной доли неоднозначного отношения к объекту познания, но, прежде всего, своеобразной тактики саморазоблачения, способности тематизировать пространство некоторого познаваемого объекта. В этой связи предпосылочным и обусловленным со стороны «истории» оказывается не только эмпирический, но также трансцендентальный субъект, т.е. это, определяет весь контекст концептуализации деятельностного правового субъекта. В данном случае, прежде всего источник индивидуальной конституции деятельностного субъекта не в нем самом, и не в другом деятельностном субъекте, а в некотором политико-правовом контексте, который можно представить как сферу всех возможных деятельностных субъектов. Основным механизмом поддержания субъективной идентичности субъекта правовой деятельности является постоянная идентификация, т.е. заимствование способов поведения и интеллектуальных действий у других подобных деятельностных субъектов. То есть в политико-правовом пространстве постоянно осуществляется процесс взаимного конструирования участников социальных взаимодействий в рамках субъективно-объективных взаимоотношений. Отметим, что в какой-то мере это пассивно протекающий процесс, так как анонимность идентификации открывает возможность для существования некоторых непреднамеренных действий самих деятельностных субъектов. Сам деятельностный субъект, как мы уже выше отмечали, не всегда знает о том, что он фактически вовлечен в процесс идентификации, поэтому можно неверно интерпретировать то, что с ним происходит или может происходить в некотором ближайшем промежутке времени. Исходя из наших исследовательских задач, будет релевантным различение двух модусов деятельности субъектов общения, т.е. феноmenoактивности и пассивности. В первом случае, речь идет о действиях, когда деятельностный субъект совершает действия от себя, в направлении внешнего ему объекта и отличает себя от объекта своего действия. К этой группе действий относятся все сознательные волевые действия. И этот тип действий является в рамках теории наиболее очевидным и наиболее исследованным. Причем, как правило, субъекту понятно, что деятельность это, конечно, прежде всего, деятельностная активность. Пассивное осуществление деятельности самого субъекта - это более сложный процесс, особенно тогда, когда требуется связать два этих модуса деятельности в единство. Так как субъект действия всегда осознает свою идентичность, то в этой связи он может представлять свою деятельность, либо явным образом, с точки зрения активности самой деятельности, либо так, что сама эта деятельность будет осуществляться по заранее определенным приоритетам. Внимание этого деятельностного субъекта не будет направлено на само протекание деятельности. При этом действия осуществляются в субъекте, т.е. сам субъект внутренне осознает это действие.

Всегда открыта возможность для совершения незапланированных действий и скрытых от самих субъектов целей их действий. Причиной является не что-то постороннее им, а сами же субъекты. Возможны ситуации, когда субъекты могут неверно интерпретировать правила действий, не знать их, или думать, что следуют другим правилам, т.е. сами субъекты постоянно порождают неопределенные ситуации в социальном пространстве и времени. Для фиксации самой ситуации стабильного действия воспользуемся классическим различением собственного и коллективного. Это понимание позволяет обозначить ситуацию такого правового действия, которое позволяет выходить на схему стандартного действия, а так же позволяет описать способ реагирования субъекта, когда политико-правовая действительность будет соответствовать сложившемуся стереотипу. Индивидуальные действия - это привычный порядок вещей не вызывающий сомнения в положении дел, все, что составляет привычный, естественный способ действия. Индивидуальные действия таковы, что обычно в достаточной степени легко интерпретируются.

Индивидуальное правовое действие это обычно то, из чего каждый деятельностный субъект исходит, но как таковое он не всегда предполагает концептуальное осмысление. Коллективное правовое действие - показывает себя как нечто внепорядковое и впервые способно обнаружить границы своеобразной стабильности и традиционности. «Коллективное действие это то, что не удастся схватить как уже известное, включить

в регион или сферу некоторого своего, т.е. индивидуальное действие это то, что не присутствует само собой, но присутствует только как нечто ускользающее» [6]. Однако именно феномен «ускользающего действия» фактически приводит к некоторым сбоям в отработанных коммуникативных процедурах. Индивидуальное действие имеет склонность превращаться в универсальное и терять свои границы; в подобном случае - индивидуальное действие становится своеобразным типом истины возможного способа человеческого поведения, с другой стороны возникает вопрос: возможно ли такое осмысление коллективного действия, при котором оно бы не сводилось к уже известным действиям. Конечно это возможно только на основании предположений в отношении уже известных действий - по которым человек признает собственный универсальный критерий истины и критерий ценности. То есть, если подобная возможность ведет к исследованию собственных предпосылок поведения и мышления, то она концептуально закрепляется и можно говорить о том, что появляются основы для развития коммуникативных отношений и это вполне естественно, так результатом подобного предположения является постулирование того, что любые политико-правовые отношения не являются исходно заданными.

Однако с другой стороны, политико-правовые отношения, особенно это относится к деятельности правовых и политических институтов, одновременно с разрешением одних возможностей предполагают вытеснение других возможностей, т.е. установление подобных отношений всегда имеет в виду некоторый как закономерный, так и случайный отбор. Никакие политико-правовые отношения нельзя признать универсальными - в этой связи индивидуальные действия нельзя считать универсальной основой для построения каких-либо универсально-коллективных отношений.

Обратим внимание на то, что само коллективное действие, конечно, предполагает целую сферу таких правовых объектов, по отношению к которым в принципе не возможно конструктивное действие, деятельности субъекта; при этом сами объекты не допускают во-первых, однозначного истолкования, во-вторых, что немаловажно, однозначного решения, поэтому правовой субъект попадая в сферу таких решений не знает, где находится истина и если ее можно достичь, то с каких позиций нужно рассматривать эту истину. И даже, если удалось решить проблему из данной сферы правовых объектов, то никто, конечно, не может сказать установлена ли она окончательно. То есть, мы имеем дело с ярко выраженной релятивизацией истинности отношения в подобной ситуации, с другой стороны - существует определенный класс объектов, с необходимостью предполагающих своеобразные наличие диалогов мнений относительно различных проблем типа: «лучше - хуже», что, в конечном счете, выводит на качественные характеристики самого способа социальной жизни. Обратим внимание и на то, что использование языка для обозначения правовых феноменов приводит к двусмысленности в силу природы самого языка: язык не просто обозначает правовое явление, а заключает явление в своеобразную логическую схему, которая внутренне присуща самому явлению; при этом в повседневном языке не различаются две модальности сознания, а именно: практическая установка, в рамках которой субъекты совершают правовые действия и рефлексивная установка, в рамках которой субъекты формируют правила собственной деятельности.

Сам процесс институционализации сферы действий осуществляющийся в ходе дискурсивного оформления, накопления некоторых правовых знаний, конечно, предполагает создание в рамках политико-правовой реальности конкретного правового института, однако сам процесс объективизации - это некоторая типизация действий, в результате которой, последняя лишается индивидуального субъективного значения. То есть получение некоторого устойчивого типа социальных действий возможно за счет схематизации ментального исключения ряда возможностей описания социального явления. Подобная ситуация, конечно, связана с особенностями языка, поскольку в нем нет отдельных знаков, которые бы сообщали о том статусе утверждения, который мог бы выходить на проблемы как описательного, так и нормирующего значения.

В ряде своих работ В. С. Швырев выходит на достаточно интересный момент в рамках общей теории деятельности, связанный с исследованием открытой рациональности [11; 12]. В этой связи, естественно, возникает вопрос: что такое «открытая рациональность». Открытая рациональность преодолевает как натуралистическое, так и идеалистическое заблуждения: первое заключается в том, что стратегия объяснения, заимствованная из естествознания достаточна для понимания социальных закономерностей; второе в том, что существует трансцендентальная норма коммуникации, благодаря которой позитивный диалог реально выполним, а объективность в том и другом случае является нормативно нейтральной и свободной от принятой иерархии ценностей.

В рамках позиции В. С. Швырева, своеобразие модели открытой рациональности состоит в том, чтобы обосновать необходимость принципа сохранения целостности принятой системы контекстов, тем более, что эта проблема имеет продолжение за пределами рациональности действия: она проникает в сферу аффектов и эмоций. Эта сфера далеко не единственная, обычно игнорируемая деятельностными субъектами: в некотором смысле разработка и воплощение идей открытой рациональности требует самого пристального внимания к эмоциональной сфере тех деятельностных субъектов, которые непосредственно вовлечены в этот своеобразный процесс [13].

Однако следует отметить, что обоснование открытой рациональности и утверждения ее модели, наиболее адекватной для правового взаимодействия, неизбежно связано с диалоговой позицией деятельностного субъекта и его склонностью к сдержанности по отношению к различиям в политико-правовом пространстве. Своеобразный стереотип подобной диалоговой позиции - гарант толерантности. Это не столько основание поведения, сколько конституция эмоционально - волевой сферы субъекта. Но все же обоснование принципа

толерантности не должно идти путем апелляции только к эмоциональной, субъективной сфере, а должно быть трансцендентальным, т.е. всеобщем в особом смысле. Обратим внимание, что во-первых, ориентация рационалистической теории на всеобщее, не предполагает позиции «незаинтересованного исследователя», но требует практической вовлеченности в процесс реализации сформулированных правил, во-вторых, аффективная сфера, все же до некоторой степени, рационально программируема для исследования именно рационального поведения. Иначе говоря, аффективность и эмоциональность - это особый модус проявления вполне рациональных структур; назовем это ментальной картиной правовой субъективности. Конечно негативность реагирования на правового субъекта со стороны других подобных субъектов - это элементарная форма взаимного непризнания в рамках некоторого политико-правового пространства. Наконец, в - третьих, всеобщую открытую рациональность нельзя понимать в сугубо идеалистическом смысле, как некий априори данный гарантированный смысл, но как «ускользающее» целое, выстраиваемое самими актами коммуникации. Открытая рациональность возможна как раз там, где всеобщее является продуктом коммуникации.

В подобном контексте мы можем говорить о том, что рассуждение идет о своеобразной стратегии понимания мотивов действия: используя понятие «конституативной системы» отметим, что мотивация возникает внутри той или иной конституативной системы, как реализации возможностей, приписанных этой системе. В данном случае, фактически, речь идет о целом ряде философских школ, которые проводили исследования в рамках детерминистских и индетерминистских процессов и которые подобные вопросы ставили в более широкие рамки, начиная с философии поступка Э. Бахтина и заканчивая проблемами, которые были поставлены в рамках теории рационального выбора [2].

По мнению В. С. Швырева и В. С. Степина, концепция открытой рациональности строится на предположении, что рациональность не бывает прозрачной - мышление действует в ситуации неопределенности, назначение рациональности в том, чтобы соответствовать случаю, т.е. времени: задачи критической философии не в открытии вечных истин, а в актуализации прошлого из настоящего, ради конструирования будущего, т.е. меры его темпоральной конституции оказываются трансцендентальным условием единства различных сфер, образующих собой политико-правовое пространство.

Для того, чтобы эффективно использовать возможности социально-политического взаимодействия правовой субъект должен искать для реализации конкретных программ тех людей, чья основная мотивация и деятельностная, и психологическая, и общечеловеческая соответствует особенностям данной программы. Если субъект, имеющий своеобразную потребность в достижении намеченного результата, смог бы эффективно справиться с достаточно сложной программой, за которую нес бы всю ответственность, то в этом случае, имея подобную программу, он вряд ли мог бы ее индивидуально исполнить, так как сама деятельность конкретного социума изначально предполагает совместную реализацию данной программы. В подобных случаях в процессе деятельности сама мотивация не всегда сохраняется в стабильном виде и на неё оказывают значительное влияние как общие психологические, так и профессиональные факторы конкретной ситуации, а также сама обстановка в социуме.

Рациональная правовая деятельность, связанная с мотивированным поведением и соответственно мотивированной деятельностью во многом связана с классическим вариантом рациональной теории ожиданий. Социальная мотивационная деятельность является целенаправленной, что предполагает обращение к постнеклассической теории рациональности. Сама целерациональная деятельность будет связываться с прямым или косвенным удовлетворением какой-либо потребности, возникающей в рамках реализации той или иной правовой программы. Сама сила направленности деятельности, с учётом достижения конкретной цели, будет зависеть частично от того, в какой мере сам правовой субъект осознает значимость достигнутой цели, что позволит ему более эффективно осуществить инновационные аспекты собственной рациональной деятельности.

Правовое поведение - это целенаправленное поведение, выбор вариантов действий, в котором критерием максимизации регулируется полезность социального действия; это поведение, направленное на выбор наиболее выгодных альтернатив, то есть правовое поведение предполагает действия, ведущие к выбору наиболее значимых по эффективности программ. Выбор подразумевает наличие целого ряда возможностей, имеющих разную полезность. Социально-рациональное поведение - это поведение, связанное с максимизационным распределением эффективных результатов и включающее в себя специфическое рациональное мышление, основанное на национальных особенностях. Социально-рациональное поведение человека - это поведение, направленное на субъективную оптимизацию вследствие сопоставления имеющихся ресурсов с возможными выгодами от их использования. При этом результаты могут быть рациональными и иррациональными. Такое определение позволяет объединить все виды поведения человека в социальной сфере.

Для того, чтобы принять эффективное правовое решение нужно обладать определённой информацией. Если говорить об обобщённом варианте, то принятие этой информации означает следующее:

- следует принять множество альтернативных действий, каждое из которых указывает на один из возможных вариантов решения поставленной правовой проблемы;
- следует принять множество объективных, не зависящих от правового субъекта принимающего решение обстоятельств или условий, влияющих на исходы возможных направлений деятельности или альтернатив, при этом одна из альтернатив обязательно должна осуществиться;
- следует принять множество вероятностей или вероятностных оценок как объективных ситуаций влияющих на исходы альтернативных действий;

- следует принять, что множество субъективных значений, результатов для лиц, принимающих вместе с правовым субъектом рациональное решение, рассматривается с точки зрения его полезности.

Рациональный правовой субъект может быть представлен как распределяющий определенные количества средств между различными альтернативными исследовательскими проектами, при этом главным будет то, что он старается определить те потенциальные возможности, которые принесут ему наибольшую выгоду и наибольшую пользу. В той мере, в какой подобный поиск может быть включен в саму структуру рациональной деятельности правового субъекта в качестве своеобразного контекста для решения поставленных задач, он может так же предполагать другие контексты, связанные, например, как с достижением конкретного результата, так и с предварительным согласованием тех же целей и средств в рамках рациональной деятельности.

Модели принятия правовых решений должны постоянно подтверждать свою полезность как дополнение к чисто умозрительной модели. Это удастся все чаще, но пока не всегда. Однако в принципе модели имеют все предпосылки, чтобы служить правовым субъектам в качестве вспомогательного средства, а не как «абсолютное знание». Они способствуют лучшему пониманию реальных проблем, помогают при разработке альтернатив, упрощают их проверку и облегчают оценку интуитивных проектов и существующих моделей поведения.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Философские основы социальной культурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 12-19.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986. С. 108-109.
3. Вригт Г. Х. Логико-философские исследования. М., 1986.
4. Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ.ст. Б. Н. Бессонова. М., 1998.
5. Грядовой Д. И., Малахов В. П., Пылев С. С. Логика в юридической теории и практике. М., 1997. 163 с.
6. Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. М., 1989.
7. Лотман Ю. М. Семиотическое пространство // Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. М., 1996. С. 163.
8. Малахов В. П. Нормативная логика в правовом мышлении. М., 1990.
9. Олсон М. Логика коллективных действий. М., 1995.
10. Степин В. С. Деятельностная концепция знания (дискуссия с Игорем Алексеевым) // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 42-51.
11. Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984.
12. Швырев В. С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» // Вопросы философии. 2000. № 3.
13. Швырев В. С. О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре её возможностей) // Рациональность на перепутье. М., 1999. С. 3-24.

УДК 930

Оксана Валерьевна Бахова
Кабардино-Балкарский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ[©]

Исследованием семьи как социального института занимаются многие науки - демография, социология, социальная философия, экономика, право, педагогика и др. Семья выступает объектом комплексного изучения наук. Для демографии семьи основной интерес представляет роль семьи и семейно-родственных групп.

Граждан России, из года в год становится все меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тыс. человек. И если верить прогнозам, уже через 15 лет россиян может стать на 22 миллиона человек меньше. Седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией. Сегодня демографическая ситуация одна из тревожных [3].

В обществе все процессы взаимосвязаны. Демографические процессы развиваются под воздействием всех остальных процессов: экономических, политических и прочих.

В свою очередь, и демографические процессы оказывают влияние на ход всех других общественных процессов.

Колебания уровня рождаемости через определенное время проявляются в соответствующих (или противоположных) колебаниях уровня занятости на рынке труда, уровня преступности, конкурса между абитуриентами при поступлении в учебные заведения и т.п. [1, с. 5].